

УДК 747

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЖИЛОГО ИНТЕРЬЕРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. СИТУАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Усанова А. Л., кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории искусства и культурологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул). E-mail: alla_leo@mail.ru

В статье рассматривается социокультурная основа трансформаций в организации жилого пространства в первой половине XX века. Анализируются ключевые события прямо или косвенно повлиявшие на изменение художественно-бытовых традиций в оформлении городского жилища. Рассматривается процесс формирования эстетических ориентиров у городского населения в сфере художественного оформления интерьера.

Ключевые слова: жилище, коммунальная квартира, барак, интерьер, городской быт, традиция.

FORMATION OF DOMESTIC RESIDENTAL INTEREER IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY. THE SITUATIONAL ANALYSIS

Usanova A. L., Candidate of Art History, Docent of Chair of Art Theory and Culturology, Altai State University (Barnaul). E-mail: alla_leo@mail.ru

The context of research is based on intrinsic property of an event row having evolutionary or revolutionary nature of influence on formation of a city inhabited interior.

The event succesion of the first half of the 20th century defining features of a city inhabited interior formation on character is subdivided into evolutionary processes of the beginning of the century and revolutionary changes of the 1920s – early 1930s years connected with creation of a new socio-economic structure.

Evolutionary character of events of a boundary of the 19–20th century is caused by counter interclass integration processes in the field of an interior and as a whole domestic household culture. The phenomenon of democratization of a modernist style, “style for rich”, on the one hand, is predetermined by industrial revolution of the second half of the 19th century of an eyelid, on the other hand, active entry of traditional country art into city, craft culture.

Revolutionary changes of the 1920s – early 1930s years, are connected with creation of a new socio-economic structure. In difference from natural interclass, interregional dialectics household, it is art cultural

traditions of the boundary of the 19–20th century, the period of the first five-years periods is marked by administrative policy of the new power in housing policy and situation speeding up in the welfare sphere.

The special attention in article is paid to value of the compelled urbanization of country people in the 1920s, the first half of the 1930s years. The essence and transformation of concept of a household culture widely adopted in the second half of the 1930s is defined, results and forms of its practical realization in an inhabited interior are analyzed.

The questions connected with the beginning of standard housing construction in the 1930s years, and as problems of creation of a new socialist life and socialization of new citizens are considered. Influence of these factors on art household traditions in registration of an inhabited interior and formation of so-called “barrack-type” culture is estimated. The conclusion about end in the second half of the 1930s of the interconnected processes: unifications of vital space, formation of a uniform social community “the Soviet people” and forming of model of official art culture is formulated.

Further, in the article analysis of value of capital household culture of the military and post-war periods in addition of the provincial city interior which distribution is connected in the beginning with evacuation of industrial productions, theaters, higher education institutions from the central regions of the USSR to the Urals, to Siberia and the republics of Central Asia and subsequently a stream of trophy gifts is carried out.

The formulated conclusions allow considering an inhabited interior of the 1930–1950s as diffusion, but at the same time stylistically the integral and recognizable phenomenon.

Keywords: housing, communal apartment, hut, interior, urban life, tradition.

Экономические и политические события в России конца XIX – первой половины XX века являлись причиной глобальных интеграционных и миграционных процессов населения страны. В то же время, на наш взгляд, целесообразно обособить событийный ряд, разделяя *эволюционные* процессы начала века и *революционные преобразования* 1920 – начала 1930-х годов, связанные с построением новой общественно-экономической формации.

На рубеже XIX–XX веков рядом отечественных и зарубежных исследователей (И. Бартевым, В. Батажковой, Е. Кириченко, У. Брумфилдом и Б. Рублом) отмечается размывание межсловных границ в оформлении жилого интерьера, связанное с массовым распространением стиля модерн на рубеже XIX–XX веков (см. [2; 6]). Феномен демократизации «стиля для богатых» обусловлен промышленным переворотом второй половины XIX века и набиравшей обороты индустрией быта для массового потребителя. За короткое время текстиль, мебель, утварь модных расцветок и форм по доступным ценам проникли не только в жилище городского обывателя, но и крестьянские избы, становясь камертоном «благоустроенного, культурного» быта на более чем полвека. Встречный процесс описывается в трудах исследователей традиционного народного искусства (В. Воронова, Некрасо-

вой и др.), характеризующих данный период как время активной культурной интеграции в городскую, ремесленную культуру [4].

Эти тенденции проявлялись не только в центральной части России, с достаточно высокой плотностью городов на данной территории, но и в менее урбанизированных, отдаленных регионах страны. Например, в процессе изучения домовой росписи южных регионов Урала, Сибири В. Бородулин отмечает явные трансформации в декорировании крестьянского жилища: «В начале XX века происходило изменение вкусов населения. От старинной системы росписи, с ее “аляпистостью”, начался переход к новой, “культурной”, созвучной городскому идеалу манере украшения» [1].

Внутрисловная интеграция хозяйственных, бытовых и художественных традиций в крестьянской среде, обусловившая культурное своеобразие юга Западной Сибири, явилась результатом столыпинской реформы рубежа XIX–XX веков, направленной на укрепление экономики страны и увеличение численности сельского населения региона. Эта особенность художественно-культурного ландшафта отмечается многими исследователями народного искусства, а также истории крестьянского, городского быта Сибири начала XX века (см. [5]). На наш взгляд, внимание к художественным вкусам в крестьянской среде нача-

ла XX века представляется важным, поскольку в последующее десятилетие выходцы из крестьян будут составлять значительную часть городского населения.

В отличие от естественной (*эволюционной*) межсословной, межрегиональной диалектики бытовых, художественно-культурных традиций (костюм, оформление интерьера и т. д.), свойственной рубежу XIX–XX веков, следующие три десятилетия ознаменованы управленческой политикой новой власти и форсированием ситуации в социально-культурной сфере. Беспрецедентная вынужденная, насильственная и добровольная миграция населения, обусловленная революцией, войной, курсом на коллективизацию и индустриализацию, способствовали тому, что носители различных типов культур: городской, крестьянской, национальной и т. д. в процессе построения новой общественно-экономической формации оказывались в одинаковых неблагоприятных и непривычных условиях. Длительное пребывание в людей в экстремальной ситуации приводило к стиранию традиционных культурных установок индивида, переворачивало его мировоззрение. Кроме того, идеологический курс на формирование единой общности «советский народ» и «нового советского человека» был ориентирован на социально активную часть населения – молодежь, – усугубляя тем самым разрыв между поколениями, традициями. В исследовании Н. Лебиной о повседневной городской жизни 1920–1930-х годов приводится ряд документальных материалов о проявлениях различных форм девиантного поведения в среде рабочей молодежи, недавних выходцев из крестьян, оторванных от родительского и общинного контроля [8]. Внимание власти к негативным процессам разрушения городской социальной среды во второй половине 1920-х годов обусловило ряд практических шагов в сфере регулирования культуры и быта новых горожан. Используя терминологию В. Волкова, можно сказать, что «огороживание» развернулось одновременно по всем фронтам [3]. Конец 1920 – начало 1930-х годов отмечены серией общесоюзных компаний, направленных на привитие санитарно-гигиенических навыков населению, на борьбу с безграмотностью и алкоголизмом, организацию «культурного досуга», обустройство рабочих окраин городов и многое другое. В статьях идеолога культурной

революции в СССР Н. К. Крупской ключевой фигурой в деле переустройства быта является женщина-общественница. Вовлечение «основной массы домохозяек в общественную работу» рассматривалось ею как залог победы «нового быта» над старым [7].

Приобщение людей, незнакомых с новыми коммунистическими ценностями, к общественной деятельности в сфере санитарного и культурного просвещения давало им шанс пройти начальную школу социализации. Помимо овладения санитарно-гигиеническими навыками, необходимыми для существования в условиях «уплотнения жизни», через лекции агитаторов и обучение на разного рода курсах они знакомились с новыми морально-этическими нормами, культурными установками и языком советской эпохи.

«Уплотнение жизни» в городах происходит вскоре после революции. Декретом от 20 августа 1918 года «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» упразднялся институт частного предпринимательства и частной собственности на большую часть недвижимости. Экспроприированные дома, квартиры (нередко целиком с мебелью, домашней утварью), принадлежащие ранее зажиточным горожанам-домовладельцам, купеческому сословию, заселялись «выдвиженцами» из партийной, рабочей среды, недавними выходцами из городских окраин, окрестных сел. Провинциальные малые города эта программа затронула в меньшей мере, в виду отсутствия или небольшого количества многоэтажных строений, бывших доходных домов и усадебного принципа застройки. Однако жилищная политика, ориентированная на «уплотнение», здесь так же являлась нормой. В воспоминаниях К. П. Перетолчина, бывшего чиновника, лесосторителя Алтайского округа, подробно описываются его злоключения как домовладельца: «С 1917 года мы, ввиду сложившихся внешних и внутренних условий, стали постепенно “свертываться” и готовиться к простой жизни. Прежде всего, продали всю хорошую обстановку, а себе оставили только необходимое и что попроще... Последовало распоряжение занимать квартиры без ведома хозяев, по ордерам, выдаваемым жилищным управлением. Так как у нас был дом большой сравнительно, то к нам ставили такую массу людей, что самим пришлось забиться в одну комна-

ту... Одним словом за 1920–1924 годы у нас было поставлено жильцов 24 семьи! Плиту в кухне топили круглые сутки, там беспрерывно шла стирка белья жильцов, дверь так намерзала от сырости, что не закрывалась зимой» [12, с. 102–105]. Таким образом, практически с момента установления советской власти коммунальная квартира становится едва ли не основным типом городского жилища на десятилетия. В короткий период либерализации экономики (1921–1927) появившаяся кооперативная собственность в виде жилищных товариществ, а также возможность аренды и купли-продажи жилых строений не могли существенно улучшить жилищный вопрос в городах и рабочих поселках, в силу бедности основной массы населения.

На протяжении 1920-х годов активно искали пути решения вопросов жилищной политики, вели дискуссии о принципах организации городского жилища в контексте нового социалистического быта. Этот процесс отражен как в области теории, в трудах ведущих архитекторов и художников-конструктивистов, так и в практических шагах государства по обустройству жилищных и бытовых условий для населения разраставшихся и вновь отстраиваемых городов. О значимости данной проблемы в 1920-х годах говорит создание целого ряда комиссий по вопросам быта: Комиссия Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о перестройке быта под председательством А. П. Смирнова; Комиссия Президиума ЦКК-НК РКК СССР по социалистической перестройке быта под председательством А. С. Гольцмана; Правительственная Комиссия при СТО по переводу предприятий и учреждений на непрерывную производственную неделю под председательством Я. Э. Рудзутака; Комиссия по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР.

Однако, несмотря на созвучие задач, по сути это были разнополярные движения. В статье М. Мееровича «Дискуссия о соцрасселении. Новые материалы. Часть I» подробно анализируются документы и стенограммы выступлений конца 1920-х годов общественных деятелей, ученых, архитекторов по организации быта. Идеи конструктивистов по строительству домов-коммун для рабочих, где заботу об обобществленном быте (фабрики-кухни, банно-прачечные комплексы) берет на себя государство, вступают в конфликт

с экономическими реалиями периода индустриализации. М. Меерович считает, что «окончание дискуссии следует датировать 29 мая 1930 года – в этот день публикуется принятое почти двумя неделями раньше – 16 мая – постановление ЦК ВКП (б) “О работе по перестройке быта”, по сути дела, четко и весьма недвусмысленно провозгласившее: “Хватит дискутировать! Будете делать то, что прикажут”» [9].

К началу 1930-х годов архитекторами разрабатываются типовые проекты экономичного городского жилья – одно-, двухэтажных барачков, вариативных по строительным материалам и планировке, рассчитываемой на подушевое (общезитие) или посемейное заселение. Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание, вход в который осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась. Площадь жилых комнат в семейных бараках была от 12 до 15 кв. метров. В каждом бараке было 30–36 таких комнат, благоустройство ограничивалось наличием дощатой уборной и позднее водоразборной колонкой. М. Меерович пишет, что «при наличии в семье детей родители устанавливали над входной дверью антресоль (полати) для игр и сна, площадью до 5 кв. м. В комнатах справа или слева от входной двери размещалась каменная или кирпичная печь для обогрева помещения и для приготовления пищи, которую выкладывали сами жители. Печь топилась со стороны коридора. Часто жители в комнатах под полом устраивали погреба для хранения продуктов. Напротив входа в наружной стене устраивалось небольшое остекленное окно, рамы которого, как и сегодня, на зиму заклеивались полосками газет, чтобы снизить чрезмерное продувание комнаты холодным воздухом через щели в рамах окна и в дверях. Вдоль одной стены комнаты размещалась железная кровать, которая часто вместо сетки имела дощатый настил. Двери не имели запоров, поэтому комнаты оставались не запертыми, и неработающие женщины (больные, беременные) всегда присматривали за детьми. В каждом бараке, в одной из комнат площадью до 30 кв. м., размещался красный уголок, где стояло несколько столов и стульев, на стенах висели портреты Сталина и пролетарских вождей, а также награды коллектива

барака в соревнованиях за лучшую жизнь. Здесь же часто находилась барачная библиотечка, и дети имели свободный доступ к книгам. Многие дети выполняли свои домашние задания в этом помещении. Здесь же играли малыши. Вечерами в помещении красного уголка неграмотные жители учились грамоте. В одной из комнат барака, чаще всего около основной входной двери, проживала семья барачного милиционера, хотя барачным коллективом выбирался и «старший» барака» [10]. Благодаря государственным капитальным вложениям в жилищное строительство (бараков и общежитий) к концу 1930-х годов, в какой то мере острота проблемы была снята. Однако на протяжении 1920–1930-х годов, в годы войны и послевоенного десятилетия, не менее распространенными типами временного городского жилья также были землянки, полуземлянки, шатры и др., а окраины городов пестрели «нахаловками» и «шанхаями».

Таким образом, к концу 1930-х годов складываются основные типы городского жилья: небольшой процент отдельных, благоустроенных квартир и домов для крупных специалистов, партийных руководителей и самый распространенный тип – комнаты в коммунальных квартирах, барачное жилье с посемейной или подушной планировкой (рабочие общежития), а также самостоятельные постройки. В провинциальных городах скромные домовладения нередко являлись достоянием одной или двух семей. Однако, несмотря на унификацию и сужение жилого пространства до минимума, его интерьер продолжал обустраиваться в соответствии с возможностями и художественными притязаниями хозяев. Повышение стандартов потребления во второй половине 1930-х годов привело к тому, что понятие бытовой культуры стало отождествляться с культурой потребления. Этот процесс явился едва ли не ключевым в сложении определенных художественно-бытовых традиций, в формировании эстетических установок бытового дизайна в СССР. Поощрение потребительской культуры дало людям возможность в какой-то степени удовлетворить свою тягу к уюту и комфорту. Население начинает покупать мебель и предметы домашнего обихода. К тому времени борьба за новый быт была уже концептуально проиграна конструктивистами. В. Паперный в своей монографии «Культура Два» подробно анализирует социокультурную

природу смены художественного курса [11]. В домах горожан обосновались вещи из буржуазного прошлого, которые можно назвать символическими в плане «культуры быта»: абажуры, этажерки, жардиньерки и др. Однако неразвитая индустрия быта, дороговизна делали эти вещи малодоступными для большинства. В данной ситуации особую значимость приобретают умения самостоятельного изготовления модных новинок для дома и навыки обустройства быта.

Так, в условиях социокультурного хаоса формируется новая ветвь народной художественной культуры XX века – советский бытовой дизайн. Основу развития данного явления составляли различные виды традиционного рукоделия – вышивка, вязание и т. д., что вполне соответствовало формату «народности», свойственному в целом советскому искусству того времени.

В силу многообразия культурного ландшафта страны изучение процесса сложения художественно-бытовых традиций населения СССР невозможно без учета региональных особенностей. Например, Западная Сибирь, Восточный Казахстан, четверть века являвшиеся территорией ГУЛАГа, стали еще и «плавильным центром» национальных культур и эстетических установок, что неизбежно отразилось в предметном творчестве и сохранившихся образцах рукоделия 1930–50-х годов. Экспансия «столичной» бытовой культуры в начале 1940-х годов, связанная с эвакуацией промышленных производств, театров, вузов из центральных районов СССР на Урал, в Сибирь и республики Средней Азии, также имела определенные последствия и для социокультурной ситуации регионов. Прибывавшая техническая, творческая интеллигенция, врачи, педагоги и другие специалисты с семьями, в отличие от ссыльных, везли с собой не только мелкую утварь, но и предметы мебели, музыкальные инструменты, библиотеки и т. д. Редкие для регионов образцы европейской мебели, гобеленов и шпалер преимущественно XIX – начала XX веков являлись порой «фасонными» образцами для местных умельцев.

Окончание Великой Отечественной войны в массовом сознании прочно связывалось с наступлением «лучшей жизни». В контексте материального воплощения «лучшая жизнь» – это зажиточность, сытость (отмена карточной системы в 1947 году) и наличие «красивых» в общеприня-

том смысле вещей. Поток трофейных подарков, хлынувших в города и веси страны в послевоенное время, явился важным компонентом в формировании эстетических предпочтений, особенно у провинциального населения. На рубеже 1940–1950-х годов на фоне продолжающегося предметного дефицита и бедности тяготение к уюту, обустройству визуального частного пространства в русле «лучшей жизни» порождает целую индустрию китчевых вещей, имитирующих «зажиточность», «роскошь»: ковровая живопись, гипсовая, деревянная пластика и т. д.

Таким образом, анализ событийного ряда позволяет сформулировать следующие выводы: интеграционные процессы художественно-бытовых традиций, начавшиеся на рубеже XIX–XX веков,

являлись частью эволюционного развития и носили естественный характер межкультурного обмена – городской и сельской, столичной и провинциальной, межсословной и внутрисословной культур; далее из социального хаоса 1920-х годов в результате революционных преобразований к 1930-м годам происходит унификация не только жизненного пространства, но образование единой социальной общности «советский народ» и выстраивание модели официальной художественной культуры. Однако даже на фоне социального равенства и декларативного распространения канонизированных культурно-эстетических установок среди населения обустройство жилища осталось заботой самого жильца, а значит, пространством его личных вкусов и эстетических притязаний.

Литература

1. Барадулин В. Народные росписи Урала и Приуралья. Крестьянский расписной дом. – Л., 1987.
2. Бартенев И., Батажкова В. Русский интерьер XVIII–XIX веков. – М., 1977.
3. Волков В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2.
4. Воронов В. О крестьянском искусстве. – М., 1972.
5. Гончаров Ю. Облик городов Западной Сибири середины XIX – начала XX века в описаниях современников // Культурное наследие Сибири: сб. ст. / отв. ред. и сост. Т. М. Степанская. – Барнаул, 2001. – Вып. 3.
6. Кириченко Е. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. – М., 2010.
7. Крупская Н. О бытовых вопросах: сб. ст. – М.; Л., 1930.
8. Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. – СПб., 1999.
9. Меерович М. Дискуссия о соцрасселении. Новые материалы. Часть I [Электронный ресурс]. – URL: <http://archi.ru/russia/45601>
10. Меерович М. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926–1932 годы. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008.
11. Паперный В. П. Культура «Два». – М., 1996.
12. Перетолчин К. П. Жизнь прожить не поле перейти... // Краеведческие записки. – Барнаул, 2011. – Вып. 9.

References

1. Baradulin V. Narodnye rospisi Urala i Priural'ja. Krest'janskij raspisnoj dom. – L., 1987.
2. Bartenev I. Batazhkova V. Russkij inter'er XVIII–XIX vekov. – M., 1977.
3. Volkov V. Konceptija kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaja civilizacija i povsednevnost' stalinskogo vremeni // Sociologicheskij zhurnal. – 1996. – № 1–2.
4. Voronov V. O krest'janskom iskusstve. – M., 1972.
5. Goncharov Ju. Oblik gorodov Zapadnoj Sibiri serediny XIX – nachala XX veka v opisaniyah sovremennikov // Kul'turnoe nasledie Sibiri: sb. st. / отв. red. i sost. T. M. Stepanskaja. – Barnaul, 2001. – Vyp. 3.
6. Kirichenko, E. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka. – M., 2010.
7. Krupskaja N. O bytovyh voprosah: sb. st. – M.; L., 1930.
8. Lebina N. Povsednevnoj zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930-e godu. – SPb., 1999.
9. Meerovich, M. Diskussija o socrasselenii. Novye materialy. Chast' I [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://archi.ru/russia/45601>
10. Meerovich M. Rozhdenie socgoroda: gradostroitel'naja politika v SSSR. 1926–1932 godu. – Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2008.
11. Papernyj V. Kul'tura “Dva”. – M., 1996.
12. Peretolchin K. P. Zhizn'prozhit' ne pole perejti... // Kraevedcheskie zapiski. – Barnaul, 2011. – Vyp. 9.

